

УДК 316.624

В. В. Кривошеев

**СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАТОЛОГИЯ:
ГРАНИ СОПРЯЖЕНИЯ ЯВЛЕНИЙ И ПОНЯТИЙ**

Анализируются внутренние и внешние факторы социальной безопасности в России в 1990–2000-х гг. Автор обращает внимание на многозначность понятия «социальная безопасность». Основное внимание уделяется проблемам девиантного поведения.

This article analyses the internal and external factors of social security in Russia in the late 2000s. The author pays special attention to the polysemy of the concept of social security and the problems of deviant behaviour.

Ключевые слова: социальная безопасность, аномия, социальная патология.

Key words: social security, anomie, social pathology.

Засуха летом 2010 г., сопровождавшаяся беспрецедентными лесными пожарами в центре России, казалось бы, со всей очевидностью продемонстрировала уязвимость социума, его сохраняющуюся зависимость от природных явлений. В то же время, как представляется, масштаб экологических проблем, наносящих порой огромный материальный урон, уносящих человеческие жизни, далеко не всегда отражает лишь ненадежность имеющихся систем жизнедеятельности общества перед лицом природной стихии. Речь может идти и о такой грани стабильного существования общества, как наличие в нем социальной патологии. То есть таких изъянов социума, которые и не дают возможности рационального использования ресурсов для решения многообразных текущих и перспективных задач.

Проблемы социальной безопасности, понимаемой чаще всего в широком смысле слова как защищенность жизненно важных интересов личности, семьи и общества от внутренних и внешних угроз [1], приобрели особое значение в российском социуме на рубеже XX – XXI вв. Это связано со многими обстоятельствами. Во-первых, масштабная трансформация социума, проводимая вне сопряжения именно с жизненными интересами значительных масс людей, привела к крайней поляризации общества, нарушила привычный, складывавшийся десятилетиями уклад жизни миллионов людей. В основе такой ситуации был беспрецедентный для мирного времени развал производства. За 1990-е гг. объем внутреннего валового продукта (ВВП) России сократился почти в 2 раза [2]. Экономисты и социологи оценивают такое падение как критическое. Если, например, доля России в мировом ВВП в 1985 г. составляла 4 %, что соответствовало 6-му месту в иерархии стран, то в 1995 г. уже лишь около 2% (11-е место). К концу 1990-х гг. по этому показателю наша страна оказалась лишь в третьем десятке государств [3, с. 26].

Еще один важный, на наш взгляд, аспект проблемы внутренних сторон социальной безопасности. Речь идет о возможностях общества самостоятельно воспроизводить условия своего существования. Академик Е. М. Примаков привел любопытное сопоставление: если за 1992–1998 гг. ВВП сократился в стране на 40 %, то объем розничной торговли всего на 12%. Делается вывод, что удовлетворение значительной части конечного спроса осуществляется во многом за счет импорта [4, с. 425–426]. Многие исследователи, анализируя эти и подобные им данные и зависимости, обычно отмечают опасность, связанную с утратой экономической самостоятельности, нарастанием угроз для социальной безопасности в целом. Речь идет и об элементах такой системной безопасности, т.е. безопасности продовольственной, информационной и т.д. Не отвергая подобных оценок и подходов, мы хотели бы обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Утвердившаяся давно, но наиболее полно проявляющаяся в последние два десятилетия ориентация российской экономики на преимущественный экспорт сырьевых ресурсов, полуфабрикатов вольно или невольно формирует весьма своеобразные стереотипы массового сознания, которые можно определить как пассивно-паразитические. В свою очередь, это не только определяет отношение к деловой активности, но вектор всех усилий экономически и социально наиболее подвижных и активных групп в российском

обществе. Получается, что и на этом направлении нельзя не отметить угроз социальной безопасности, поскольку общество теряет потенциал нормальной, полной социализации, утрачивает позитивные, производительные ориентации деятельности активности у целых поколений.

Сложившееся в 1990-е гг. экономическое положение, естественно, негативно отразилось на уровне, качестве жизни людей, что крайне ограничило возможность значительного числа индивидов приобщаться к ресурсам здорового досуга, полноценного восстановления сил, здоровья. Социальная практика экономически стабильных стран показывает, что на пороге бедности, удовлетворения лишь первичных, элементарных потребностей может прожить без угрозы стабильности общественному порядку не более 10 % населения [5, с. 179]. В нашей стране, по разным оценкам, с 1992 г. не менее одной трети населения живут, используя бюджет деградации [6, с. 59]. Основные ресурсы, по различным расчетам, являются достоянием не более одного процента населения [7, с. 16]. После известного дефолта и резкого изменения курса рубля по отношению к доллару в августе 1998 г. около 80 % опрошенных в ходе представительного российского исследования оценивают свою нынешнюю жизнь как катастрофически ухудшившуюся [8, с. 24–25]. В свою очередь это сказывается, причем самым негативным образом, на социализирующих возможностях основных социальных институтов – семьи, системы образования, а также приводит к другим крайне отрицательным с точки зрения и состояния, и перспектив российского общества последствиям.

Собственно социальная сфера оказалась в таком положении, что на протяжении всех 1990-х гг. можно было говорить о ее обвальном разрушении. По информации, которой располагает Всемирная организация здравоохранения, около трети населения России имеют умственные дефекты, 13 % детей отстают в интеллектуальном развитии, еще примерно 25 % испытывают различные затруднения в освоении научной информации, не могут полностью овладеть программой общеобразовательной средней школы [9, с. 101].

По данным министерства здравоохранения России, с 1990 по 1997 г. в стране в 31 раз увеличилась заболеваемость подростков сифилисом, на 37 % – туберкулезом, 75 % девочек – будущих матерей страдают хроническими заболеваниями, снижающими возможность полноценного вынашивания ребенка, рождения его без патологий [10]. Наряду с этим нарастает тенденция старения общества, его депопуляции, все более частого отказа молодых людей от вступления в брак, желания иметь детей. За десять лет (с 1987 по 1996 г.) в России родилось почти на 6 млн детей меньше, чем за предыдущие 10 лет [11, с. 92]. На одну женщину, способную рожать, приходится в нашей стране 1,7 деторождения, тогда как в мире в среднем 3,4; а для поддержания даже наличной численности населения необходимо не менее 2,1 [12, с. 24–25]. По данным официальной статистики, фиксируется беспрецедентная смертность мужчин трудоспособного возраста от несчастных случаев, травм, в том числе производственных, отравлений. В странах Европы, в США, Японии этот показатель от общего числа смертей составляет 5,51 %, в России в середине 90-х гг. он равнялся 22–25 %. Последнее место в Европе занимает наша страна и по продолжительности жизни мужчин – 57–58 лет. Женщина в России живет в среднем на 14 лет дольше. Столь существенной разницы нет ни в одной стране мира [13]. С такими неутешительными результатами общество подошло к началу нового тысячелетия.

Казалось бы, усилия, предпринятые в годы достаточно благоприятной конъюнктуры цен на энергоносители, а значит, насыщение бюджета необходимыми ресурсами, должны были переломить опасные с точки зрения социальной безопасности тенденции, обеспечить выход общества на устойчивое развитие по постиндустриальному сценарию. Однако, как свидетельствуют не только официальные данные, но и многочисленные социологические исследования, ситуация остается сложной. Опрос аналитического центра Ю.А. Левады, проведенный в мае 2010 г., показывает, что более трети (34 %) опрошенных полагают, что страна движется по неверному пути. Характерно, что каждый пятый (19 %) не имеет выраженной точки зрения по данному вопросу [14]. Таким образом, значительная часть общества либо сомневается в выбранном векторе развития социума, либо, выжидая, не имеет четкого мнения относительно этой проблемы. Трудно в этой связи не согласиться с Т.И. Заславской, которая полагает, что в 1990-х гг. Россия пережила долгую череду недостаточно подготовленных, противоречивых, можно сказать, судорожных реформ и прямых политических мер, вызвавших цепь политических и социально-экономических кризисов. Такой порядок реформирования Заславская назвала кризисной трансформацией [15, с. 391–392]. Сама по себе непрерывная череда кризисов и потрясений свидетельствует о крайне опасном состоянии общества. Причем это состояние опасно еще и потому, что достаточно велика степень непредсказуемости, случайности нарастания угроз и рисков.

В значительной мере эти угрозы связаны с масштабными проявлениями преступности и разных негативных форм девиации. Если, например, в 1990 г. в России фиксировалось около 1,9 млн преступлений, то сейчас — более 3,2 млн. Нераскрытыми остаются до половины преступных деяний. Материальный ущерб только от преступлений экономической направленности составляет в годовом исчислении не менее 140 млрд рублей. Ежегодно выявляется около 1,2 млн человек, совершивших преступления [16]. Даже с учетом высокой степени рецидивности преступности цифры сами по себе свидетельствуют о высокой степени криминальной пораженности российского общества. Отметим, что речь идет лишь о зарегистрированных фактах, об официальной статистике. В то же время эксперты МВД полагают, что свыше 40 % пострадавших не сообщают о совершенных в отношении них криминальных деяниях [17, с. 6]. По данным социологического исследования, проведенного фондом «Общественное мнение», картина складывается еще более удручающая: 58 % пострадавших не сообщают о случившемся в органы правопорядка [18]. По оценкам криминологов, в нашей стране регистрируется не более одного из 4–5 преступлений (по экономическим преступлениям 1 из 25) [19, с. 55]. Таким образом, с учетом всей совокупности факторов представляется вполне обоснованным утверждение, что реальный уровень преступности в России составляет сейчас 12–15 млн преступных деяний в год [20, с. 21]. Масштаб преступных проявлений меняет общество, умонастроения в нем, сознание людей, в том числе осознание различных опасностей и угроз. Нельзя не зафиксировать, что в такой ситуации исчезают грани между нормой и анормой. Само нарушение неких еще недавно, казалось бы, нерушимых принципов, социальных установлений становится нормальным, закрепленным. В качестве иллюстрации можно сослаться на отношение в обществе к коррупции, которая не только стала проблемой национального масштаба, даже по признанию высших представителей власти, но, что парадоксально, как явление давно воспринимается как если и неодобряемое, то, во всяком случае, такое, с которым можно смириться. По данным центра Ю. А. Левады, каждому третьему взрослому россиянину приходилось когда-либо где-либо давать взятку, почти все они (28–33 %) давали взятку в последние пять лет, а около половины из них или больше (15–20 %) — в последние 12 месяцев [14]. Исследование Фонда «Общественное мнение», проведенное в феврале 2010 г. показывает, что 79 % россиян считают, что коррупция достигла высокого уровня, 38 и 39 % соответственно полагают, что уровень коррупции не меняется или растет, а 58 % — что картина не изменится через год [21].

Что касается разных форм девиации, то прежде всего следует выделить алкоголизм, который также стал проблемой, угрожающей будущему страны. Достаточно сказать, что в России в настоящее время зафиксировано около 2,5 млн алкоголиков, в том числе около 65 тыс. тех, чей возраст не превышает 15 лет [22]. Сейчас каждый третий подросток в возрасте 12 лет «балуется» пивом, уже среди 13-летних таких две трети, а потребление водки резко возрастает с 15-летнего возраста [23, с. 93–94]. Широкое распространение получила в России наркомания. По оценкам экспертов, по сравнению с 1990 г. в 2002 г. число больных наркоманией в России возросло в 10 раз и достигло более 2 млн [24, с. 70].

Эти и многие другие факты, свидетельствующие о широком распространении негативных форм девиантного поведения, также выступают зримым свидетельством угрозы социальной безопасности, перерождения общества.

Второй момент, который особо хотелось бы выделить, относится к внешним угрозам социальной безопасности. При этом речь идет не только о России, но и о других странах. Эти угрозы в действительности не являются национальными, они все более и более показывают противоречивость процесса глобализации. Среди этих угроз особое место занимает такое явление, которое получило наименование не очень ясно интерпретируемого понятия «международный терроризм». Отказ богатых стран действительно содействовать развитию бедных, с одной стороны, подготовил социальную и политическую почву для зловещего явления современного терроризма, а с другой — еще раз со всей остротой поставил вопрос о стабилизации и устойчивости общественного бытия как такового. Выйдя из периода холодной войны, мировая цивилизация без промедления вошла в период катастроф, продуцируемых прежде всего социальной и политической неустроенностью нарождающегося глобального общества [25, с. 24].

Таким образом, подводя некоторые итоги изложенному, можно отметить, что социальная безопасность выступает ключевым, сущностным явлением, отражающим основные слагаемые, главные потребности жизни любого общества. Что касается России, то сама эта проблема, что называется, отягощена аномичным состоянием социума, т.е. рассогласованием всей регулятивной подсистемы общества, высоким уровнем девиации, множественными нарушениями элементарных норм и принципов жизнедеятельности общества. Из этого следует необходимость принятия не

только безотлагательных мер, направленных на возвращение обществу состояния, которое условно можно охарактеризовать как нормальное, но и мер, органично присущих именно нашему социуму, учитывая специфику процессов, которые в нем фиксируются. Все это требует дальнейшего анализа, разработки социальных технологий, возвращающих обществу должную меру управляемости всеми социальными процессами.

Список литературы

1. *Оцирова А.* Социальная безопасность — основа социальной политики. URL: <http://www.inpgo.ru/508/586/>
2. *Путин В.В.* Россия на рубеже тысячелетий // Калининградская правда. 2000. 12 янв.
3. *Салмин А.М.* Россия, Европа и новый мировой порядок // Политические исследования. 1999. №2.
4. *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М., 1999.
5. *Осипов Г.В., Левашов В.К.* и др. Перестройка и радикальные реформы: десять лет спустя // Социально-политический журнал. 1996. №1.
6. *Ракитская Г.* Состояние и перспективы рабочего движения в России // Вопросы экономики. 1995. №6.
7. *Наумова Т.В.* Становление среднего класса в реформируемой России // Социально-гуманитарные знания. 1999. №4.
8. *Голенкова З.Т., Игимханян Е.Д.* Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 1999. №9.
9. *Андреев А.* Студент и культура: информация к размышлению // Высшее образование в России. 1994. №4.
10. *Проценко А.* Мы никогда не знаем, кто-почем // Калининградская правда. 1997. 2 июля.
11. *Ручкин Б.А.* Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. №5.
12. *Баймухаметов С.* А нам все равно? // Литературная газета. 1999. №4.
13. *Неужели так и будет?* // Комсомольская правда. 1997. 1 марта.
14. URL: www.levada.ru
15. *Заславская Т.И.* О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Россия: пятнадцать лет масштабной трансформации. М., 2003.
16. URL: <http://www.mvd.rustats/10000148/10000230/6166/6166/>
17. *Преступность и правонарушения: ежегодный статистический сборник.* М., 1999.
18. *Иванова Т.* Чего боится россиянин // Калининградская правда. 1997. 26 августа.
19. *Лунеев В.В.* Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. №5.
20. *Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В.* Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994.
21. *Индикатор «Коррупция в России»* // ФОМ [сайт]. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d02korrup.pdf>
22. *Цена, которую мы платим, непомерно высока* // Комсомольская правда. 2007. 20 нояб.
23. *Никифоров А.С.* Что нам делать с организованной преступностью // Организованная преступность: российско-американский диалог. М., 1997.
24. *Фурсов А.И.* Мифы перестройки и мифы о перестройке // Социологические исследования. 2006. №1.
25. *Левашов В.К.* Глобализация и социальная безопасность // Социологические исследования. 2002. №3.

Сведения об авторе

Владимир Вениаминович Кривошеев — д-р социол. наук, проф., Российский государственный университет им. И. Канта, e-mail: krivs48@rambler.ru

Author

Prof. Vladimir Krivosheev, Department of Sociology and Political Science, IKSUR, e-mail: krivs48@rambler.ru